

Виктор Абрамович Гофман

Слово оратора
(риторика и политика)

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82
ББК 83
В43

Виктор Абрамович Гофман
В43 Слово оратора: (риторика и политика) / Виктор Абрамович Гофман – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 264 с.

ISBN 978-5-458-24714-6

Есть ли у нас наука о публичной ораторской речи, которая могла бы хоть сколько-нибудь прийти на помощь массовому рабочему агитатору, лектору, общественнику, которому приходится выступать публично? Такой науки у нас нет, хотя имеется немалое количество всяческих «пособий» по этой части. Но все они несовершенны. Автор предпринял попытку создать пособие по ораторскому искусству, теоретически обоснованному с научной точки зрения.

ISBN 978-5-458-24714-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чувственного и формально-логического познания к высшим формам диалектической логики у ораторов зрелого пролетариата — и целый ряд других проблем речевого стиля, речевой выразительности только бегом загрохоты (а порою и вовсе обойдены молчанием). Отчасти тому причиной ограниченный размер книги, отчасти же полнейшая неразработанность тех или иных вопросов в науке, в частности языковедной; достаточно иметь в виду, что коренные вопросы диалектико-материалистической лингвистики — например проблемы синтаксиса — сейчас только встают во весь рост и требуют еще принципиального разрешения.

В связи с этим не мешает напомнить «решительным и строгим» критикам, на суд которых предстанет эта книга, следующую старинную сентенцию:

«Если, согласно известному изречению, самый мудрый человек — тот, кто сам может придумать, что надо, а ближе всех к нему по мудрости тот, кто слушается мудрых советов другого, — то в противоположном качестве наоборот менее глуп тот, кто ничего путного придумать не может, чем тот, кто одобряет придуманную другими нелепость».

Не претендуя на роль мудреца, придумавшего, «что надо», автор этой книги во всяком случае утешает себя тем, что он оказался не из числа глупцов, одобряющих нелепости, придуманные до него другими.

20 августа 1931 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

...Четверо резервистов руководили деятельностью 75 000 ораторов-добровольцев, выступивших в 5 200 городах и произнесших в общем 755 190 речей.

Д. Криль.

Когда у нас говорят о слове, то обычно подразумевают слово художественной литературы.

Когда рассуждают о словесном творчестве, имеют в виду творчество литературное. Но это рассуждает инерция и говорит традиция.

Русская история почти не уделила места ораторской площадке — нигде было поставить политическую трибуну. Лишь с середины шестидесятых годов XIX века русская буржуазия «заводит» судебную ораторскую речь и только с 1906 года парламентскую. Речь церковная и академическая были суррогатами ораторства. Пропаганда и агитация долгое время шли преимущественно и полупотаенно через художественное слово. И с другой стороны господство словесно-художественных форм приводило зачастую к отрешенно-эстетическому поклонению слову, приводило к упрямым предрассудкам относительно высоких художественных жанров и творчески бедных — низких — жанров нехудожественного слова. Слово как бы делилось на касты по признаку благородства.

Изучением публицистического и особенно ораторского слова пренебрегали.

Ученые филологи и критики дилетанты, отягощенные предрассудками рутины, предпочитали почти исключительно заниматься, — когда дело идет о творчестве, — литературно-художественным словом. Но, занимаясь «изящной словесностью», они вращаются на холостом ходу в замкнутом кругу

вопросов, плодотворная постановка которых уже сама по себе требует привлечения новых гипотез и разработки новых проблем на материале всего речевого процесса как единого целого. Эти «пророки, предсказывающие назад» и всегда опаздывающие к поезду истории, — оказались не в состоянии понять социально-историческую диалектику в развитии речевых формаций и жанров. Историческое слово подменили словом музейным. Изучением музейной функции слова подменялось изучение его социальной природы. Когда же обращались к газетной или ораторской речи, то не шли далее догматической рецептуры приемов «хорошего тона» и поверхностных рассуждений по поводу.

И все-таки поражает несоответствие между общественным значением ораторского слова, как могущественного средства агитации и пропаганды, и полным теоретическим равнодушием к проблемам ораторского стиля. Поистине удивительно, что созданные Октябрем ораторские образцы всемирно-исторического значения не удостоились даже десятой доли той оживленной дискуссии, которая охотно уделяется критикой рядовому роману, любой посредственной пьесе. Между тем несомненно, что в ораторском творчестве, как в политическом жанре, очень ярко воплотился речевой стиль «агающего класса», стиль сверхмощной социальной действительности.

Этот стиль воплощен в политическом речевом жанре именно потому, что политическое освоение социально-классовой борьбы и ее задач исторически дозрело в эпоху борьбы с монополистическим капиталом за социализм, очистилось от идеологических рудиментов и фикций и зрелостью своею ознаменовало переключение борьбы на высшую решающую ступень. Борьба за пролетарский стиль, жестокая и долгая, была прежде всего борьбой за диалектико-материалистический речевой метод, т. е. адекватное слово и в этом именно смысле за новое слово. Эта борьба продолжается. Происходит колоссальное речевое перевооружение и притом «на ходу», во время боев, под непрерывным натиском еще могущественного противника. Вооружение и перевооружение требует ревизии нас-

ледств, пересмотра технических традиций. Необходимо, следовательно, теоретическое научное осознание и руководство этим процессом, который из стихийного может и должен стать высоко-организованным. То обстоятельство, что ораторским словом впервые в истории овладевают широчайшие массы и не только пассивно, но и активно, не только как слушатели, но и как ораторы, — диктует еще повелительнее необходимость теории, необходимость научно-проверенных принципов языковой политики.

Нет оснований предполагать, что ораторская форма политической речи, сыгравшая колоссальную роль в эпоху военного коммунизма — первого периода Октябрьской революции, вынуждена «посторониться» в эпоху реконструкции и социалистического строительства перед победным шествием учебника, брошюры, газеты, кино и радио. Не говоря уже о том, что радио-газета должна включать в себя элементы ораторской речи, количественно-механические расчеты «переключения энергии» здесь неуместны. Более того. Если Ленин и партийные постановления неоднократно подчеркивали возрастающую роль и ответственнейшее значение агитации и пропаганды для эпохи восстановления хозяйства, то роль и значение всех видов агитации и пропаганды неизмеримо растут и ширятся в эпоху реконструкции не только в силу грандиозности и трудности задач строительства, но и мирового политического обострения (опасности войны) и напряженной классовой борьбы вокруг строительства внутри страны. Достаточно даже одного факта социалистической перестройки сельского хозяйства, чтобы понять, какие грандиозные новые задачи и возможности стоят перед агитацией и пропагандой, в частности устной и в том числе ораторской. Агитационная деятельность не свертывается, а обрастает новыми корпусами — новыми методами и формами в соответствии с растущими новыми задачами.

Огромное значение получает групповая и индивидуальная агитация на производстве. Основная речевая форма здесь — беседа, а не ораторская речь. Но, во-первых, агитбеседа и ораторская речь — формы единой политической речи,

во-вторых, групповая агитация (внутри конкретной профессиональной группы рабочих в пределах звена и бригады) не только самостоятельная форма агитработы, но и способ подготовки рабочего к воздействию на него через иные распространенные формы устной агитации и пропаганды (доклады, лекции и пр., т. е. ораторскую речь), в цеховом, фабрично-заводском и т. д. масштабе, равно как и способ углубления и закрепления результатов этой массовой по форме агитработы; в-третьих, групповая агитация в известных случаях приближается и переходит в другие формы агитации, напр. в форму небольшого доклада с последующим обсуждением, т. е. получает ораторское оформление. Итак, ни устная агитация и пропаганда, ни ораторская ее форма в частности, не только не отработались, но напротив переключаются на новую энергию.

Новые массы рабочих-агитаторов поступают с каждым днем на политико-просветительный фронт. Они должны обладать не только общеполитической подготовкой, но и пролетарским агитационным методом и техническими речевыми средствами. Они должны владеть пролетарским ораторским стилем. В ораторской речи конкретные основы этого стиля даны особенно ярко Лениным в его собственных речах и в критических высказываниях по поводу речей политических врагов и друзей.

Но изучение ораторского стиля у нас только начинается. Исторические, теоретические вопросы только начинают ставиться. И здесь теория отстает от практики и притом не на 5 или 50 лет, а на 20 веков. Неудивительно, что ораторская методика и техника, лишенная теоретических оснований и четкой методологической базы, влачит жалкое кустарное существование. Нет надобности приводить примеры.

Неудивительно, что и речевое вооружение рабочего агитатора в огромном большинстве случаев стоит еще на низком уровне. То, что в ораторски-заостренной форме говорил об этом М. И. Калинин на XV Моск. губ. партконференции в январе 1927 года, и сейчас не утратило своего значения.

И неудивительно, наконец, что существуют люди, которые недоуменно спрашивают: — а что такое ораторское воспита-

ние, возможно ли оно вообще и зачем оно нашему агитатору и лектору. Однако, раздаются и другие голоса.

М. И. Калинин произнес на конференции речь об ораторской речи, насыщенную элементами игры с ораторской формой и юмором. Уже этим он придал речи агитационный характер: агитации за речевую форму агитации.

Рассказав анекдотический случай, как «на одном собрании председатель через определенный промежуток времени обращался к аудитории с просьбой встать» и на вопрос, почему это делается, объяснил: «Для того, чтобы товарищи крепко не засыпали», — т. Калинин говорит: «... ораторское искусство, это, товарищи, — самое трудное искусство, и большевики, работающие в массовых организациях, должны обладать этим искусством. Не обладая этим искусством, усыпить аудиторию ничего не стоит» .. «Агитатор-пропагандист должен уметь так выступать, чтобы аудитория жила». «Политграмота должна быть одним из самых увлекательных предметов»... «Нужно к преподаванию политграмоты допускать только таких лекторов, которые умеют говорить на настоящем русском языке, и ни в коем случае нельзя руководителю политграмотой выступать с пасторской манерой. Хорошую мысль ничего не стоит убить пасторским подходом. В первую голову надо в занятиях использовать юмор, второе — сарказм и в исключительных случаях — пафос ..» «... Здесь должен быть индивидуальный подход, и тогда публика не будет спать». «Ошибочно думать, что самое главное это, — чтобы лектор сумел преподать суть вопроса и не обращал внимания на форму преподавания». «... Наша задача, чтобы то, что мы говорим, было воспринято; восприятие же в значительной степени зависит от формы, в которую мы облачаем наши выступления.» «... Ни один агитатор, ни один оратор не будет ни агитатором, ни оратором, ни пропагандистом, если он русский язык изучит только по газетам. По газетам русский язык не изучишь, а забудешь, потому что вы сами знаете, как пишутся наши газетные статьи...»¹ И т. д.

¹ Цит. по ц. о. «Правда» от 20 января 1927 г., № 16, стр. 3.

Из приведенных выдержек видно, что оратор сигнализирует неудовлетворительность выразительных средств агитаторов и пропагандистов и справедливо требует повысить языковое качество ораторской подачи материала.

Но подлинное разрешение этой, условно говоря, формально-технической проблемы невозможно без постановки и разрешения основных вопросов ораторского стиля, как формы идеологии.

Ведь способ выражения это — в основном — точка зрения, и речевой стиль определяется как угол зрения, отношение речевых смыслов к объективной действительности (той или другой ее стороны), отношение, реализованное динамической конкретноразвернутой системой выразительных средств.

Проблема выразительности есть проблема единства формы и содержания, выражения и выражаемого, проблема адекватности смысла — объективной действительности. Так она стоит и для ораторской речи.

Но ораторская речь — специфическая форма идеологии с особой социальной функцией — агитационной (в первую очередь) и пропагандистской.

Это значит, между прочим, что ораторское творчество учитывает «язык» конкретно данной аудитории, находит с нею «общий язык», чтобы убедить.

Но значит ли это, что оратор плетется за аудиторией, повторяя слова ее «языка»? Нет, не значит, хотя встречаются такие псевдо-ораторы. Оратор изменяет или развивает «язык» аудитории, т. е. убеждает ее, исходя из ее «языка». Это значит, что оратор конкретизирует свои мысли (и следовательно выбирает те или другие образные выражения и т. п.) применительно к представлениям и понятиям, т. е. в конечном счете к условиям бытия аудитории. И только. Метод конкретизации деликатно зависит от принципов оратора, его идеологии, т. е. его партийно-классовой позиции. «Как говорить» и «что говорить» — две неразрывных стороны одной и той же проблемы. Техническое вооружение (звуковая и пр. техника) оратора, его личные речевые способности, инструктаж, им полученный, и т. п., — все это пред-

посылки, условия, сами по себе ничего еще не говорящие о качестве ораторской речи; они содействуют обнаружению этого качества, определяют количественный коэффициент социальной эффективности ораторской речи.

Но что такое технические ораторские средства, которые находит оратор, что такое техническая ораторская традиция, которую встречает ораторская мысль? Ответ возможен только с исторической точки зрения. Это — старое, когда-то бывшее содержание, ставшее внешней формой для нового содержания, — так же, как обстоит дело с языком вообще. Лингвистика показывает, что напр. формальный признак рода, который ничего «не значит», когда-то был идеологически значимым фактом языка. Когда мы говорим «солнце всходит», «дождь идет», мы просто не замечаем разрыва между языковой формой и смысловым содержанием. Только «буквальное» (т. е. внешне формальное) понимание этих выражений обнаружит разрыв и противоречие. Этот разрыв и противоречие — результат отставания формы выражения, технической традиции выражения. Данный разрыв — результат громадного идеологического сдвига, разницы в освоении объективной действительности, и в то же время сохранения старой языковой формы. Вслед за новым освоением появляется и соответствующая форма выражения, создаваемая на основе языковой системы, путем ее сдвига. (В частности, например, мы имеем адекватные действительности формулировки вместо предложений: «солнце всходит» или «дождь идет», — это так называемый научный язык). Но глубокие социальные причины, обусловившие классовое мышление, кастовость науки, разрыв между теорией и широкой социальной практикой и пр., определили сосуществование старой языковой формы освоения, как ходовой коммуникативной формы. Вообще «традиция всех умерших поколений как кошмар тяготеет над мозгом живущих», и люди пользуются «заимствованным от предков языком» (К. Маркс).

Все это относится и к ораторской речи — лишь с большим усложнением. Техническая ораторская традиция — коварная вещь, потому что на ней печать чужой идеологии, это «заим-

ствованный от предков язык». В каждый данный момент в ней имеются на ряду с элементами снятого элемента песнятого старого содержания. Отсюда трудности достижения максимальной выразительности речи, т. е. максимального соответствия формы и содержания. Главная трудность ораторского искусства и состоит в овладении адекватным словом — точным, ясным и ярким—и в то же время установленным на наиболее полное понимание данной конкретной аудиторией в процессе коллективного восприятия и усвоения мыслей оратора. Итак, использование технической ораторской традиции— сложная и ответственная проблема ораторского воспитания.

Но к достижению максимальной выразительности речи стремятся и стремились ораторы всех классов общества и всех эпох. Однако, всякий раз это была количественно и качественно иная выразительность. Она менялась скачкообразно и противоречиво, отражая процесс общественного развития. Объективно выразительность освобождается от иллюзорности по мере развития неискаженного, неиллюзорного освоения действительности. Ораторская выразительность поднималась объективно на высшую ступень у ораторов исторически передового класса, оставалась на достигнутом уровне и затем неизбежно падала в эпоху загнивания класса, чтобы в новом и высшем качестве обнаружиться у ораторов атакующего класса. В эпоху монополистического капитала и пролетарской революции адекватное действительности слово есть достояние пролетариата, как подлинно революционного класса. И высшая выразительность—достояние стиля революционных пролетарских ораторов. Так раскрывается секрет выразительной силы, могущества слова ораторов революции, обаяния их ораторского искусства и страшной опасности их агитации для врагов.

Марат и Володарский—классические образцы опаснейших агитаторов, которых убили, чтобы заставить замолчать. Памятник Володарскому на бульваре Профсоюзов был уничтожен врагами: монумент знаменитого оратора продолжал агитацию.

Кстати сказать, необычаен процент величайших ораторов, погибших от руки убийц или вынужденных покончить с собою,

или, по крайней мере, испытавших покушения на их жизнь: Демосфен, преследуемый убийцами, отравился, чтобы не даться им в руки; Цицерона убили цезаристы и отослали голову в Рим; Савонарола сгорел на костре; Робеспьер, Сен-Жюст и др. погибли на гильотине; Жореса застрелили как раз накануне мировой войны; Карла Либкнехта и Розу Люксембург убили после войны; В. И. Ленин был тяжело ранен. Когда Ф. Лассаль был случайно убит на дуэли, буржуазно-дворянская Германия ликовала от радости. Нет ничего удивительного в этой картине: великие ораторы — это политические вожди, борющиеся в исторические эпохи социальных кризисов, потрясений, революций.

Неудивительно, что господствующие классы стремятся всеми мерами парализовать влияние революционного слова. Не довольствуясь всевозможными методами запрещения, подавления и уничтожения, они стремятся противопоставить охранительное слово своей агитации и пропаганды. Напуганные влиянием революционного слова господствующие классы склонны даже приписывать ему мистическую силу влияния, преувеличивать могущество слова, его действительную роль и значение. Так возникают алхимические поиски «ораторских тайн». Так возникает «чудодейственная» сила большевистской агитации.

Для противодействия революционной агитации и пропаганде и для укрепления идеологического влияния на массы, без которого невозможно осуществление классовой политики, буржуазия спешит изучить и практически разработать формы и методы агитации и пропаганды всех ее видов, учитывая колоссальный опыт мировой войны и нашей революции. Не забывают и ораторской речи. Достаточно напомнить, что во время империалистической войны в Америке, например «Комитетом общественной информации» Криля были «пущены в ход» несколько десятков тысяч так называемых «четырехминутных агитаторов», которые выступали в публичных местах — в театрах, кино, трамваях и т. п. с четырехминутной речью на военную тему. В составе этого комитета было кроме того специальное «Ораторское отделение». В Калифорнийском университете существует ораторское отделение.